

Денис Сдвижков

Хотели ли русские войны?

ВОЙНА И ИМПЕРСКОЕ СОЗНАНИЕ
В РОССИИ XVIII ВЕКА*

Denis Sdvizhkov

Did Russians Want War? War and the Imperial Consciousness in 18th Century Russia

Денис Сдвижков (кандидат исторических наук) sdvizkov@hotmail.com.

Denis Sdvizhkov (PhD) sdvizkov@hotmail.com.

Ключевые слова: имперское сознание, отношение к войне, публичная сфера, патриотизм, милитаризм, раннее Новое время, Северная война, Семилетняя война, русско-турецкие войны

Key words: imperial consciousness, perception of war, public sphere, patriotism, militarism, early modern period, Great Northern War, Seven Years' War, Russo-Turkish wars

УДК: 327+355.01+94

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_134

УДК: 327+355.01+94

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_134

Характеристика имперского сознания в России часто ограничивается набором политизированных штампов, не опирающихся на прикладные исследования. Статья предлагает определить содержание и пути формирования имперского сознания в период становления Российской империи в XVIII веке через отношение ее подданных к войнам. В статье показано, что становление России как военной империи сопровождалось не только структурными мерами с утверждением регулярной армии и флота. Характерные для этого периода «далекие» имперские войны требовали от властей нового режима публичности под знаком утверждавшейся идеологии патриотизма / «любви к отечеству». Приглашение властей к участию в «общем деле», каковым стали войны, кругов, выходивших за пределы элит, не только повышало эффективность военно-имперской политики, но и формировало политическое сознание, культуру публичности и неизбежно способствовало превращению подданных империи в ее граждан.

Among the distinguishing features of empires, “imperial consciousness” is the most elusive and defies universal definition. The characterization of imperial consciousness in Russia is often limited to a set of politicized clichés not based on applied research. This article aims to define the content and paths of how imperial consciousness was shaped in the formative period of the Russian Empire in the eighteenth century through the attitude of its subjects towards wars. The article shows that the formation of Russia as a military empire was accompanied by more than structural measures with the establishment of a proper army and navy. The “distant” imperial wars typical of this period demanded from the authorities a new regime of publicity marked by the emerging ideology of patriotism/“love of the fatherland.” The invitation of the authorities to participate in the “common cause”/ *res publica*, which the wars became, to circles far beyond the elites not only increased the effectiveness of imperial military policy, but also shaped political consciousness and the culture of publicity and inevitably contributed to the transformation of the subjects of the empire into its citizens.

В ряду признаков империи «имперское мышление/сознание» — едва ли не самый загадочный. Империя определяется через отношения господства и подчинения и противопоставляется общности на основе «социально-политической гомогенизации и идее всеобщего гражданства» [Osterhammel 2004: 172]. Получается, что, в отличие от национального государства, чувство сопричаст-

* Благодарю Е.Н. Марасинову (Майнц), А.И. Миллера (Санкт-Петербург) и М. Шиппана (Берлин) за консультации при работе над статьей и предоставленные материалы.

ности к общему, «ежедневный плебисцит» Э. Ренана¹, не является базовой предпосылкой существования империи. В отличие от имперских структур, «имперское сознание» на практике не универсально: так, imperial identity британского образца подразумевает своего рода надстройку национального сознания (imperial nation) и демократической политической культуры, сфокусированной на «законе и свободе»². В случае же России отношения имперского и национального дисгармоничны: имперское предшествует национальному³, препятствуя или искажая его развитие, а имперское и демократическое исключают друг друга. Констатируется «непреодолимое противоречие между имперским порядком и демократией и проблемное обратное воздействие империи на российскую идентичность». «Слияние имперской традиции с русским национализмом» составляет «проклятие империи» [Schulze Wessel 2023: 293]⁴, тяжелое наследие прошлого.

Анахронизм имперского сознания для исследователей и в том, что оно формируется не вместе и внутри публичной сферы модерна, а детерминировано историческими и природными обстоятельствами. Оно складывается вокруг имперской идеи, которая представляет собой некую миссию. Носителями имперского сознания, во всяком случае на ранних этапах, считаются элиты [Berger, Miller 2015: 29]. Применительно к России со времени создания петровской империи речь идет о сознании дворянской элиты — принятии этоса службы государству с его новыми европейскими ценностями. В ряду последних можно выделить «комплекс цивилизационного превосходства» по отношению к окраинам империи, который знаменует собой «рождение империи» [Вульпиус 2023: 18–24].

Но так или иначе, агентностью обладает государство, российское общество представляется «государственным установлением» [Гайер 2023]. Это оставляет открытым вопрос об «обратной связи» и о проникновении помимо элит имперского сознания в «массы», на что уже давно обращали внимание. Тот же Дитрих Гайер еще в 1970-х годах причислял к «дезидератам» истории «русского империализма» «анализ социально-психологических факторов и коллективных ментальностей», а за вопросом о том, как именно «обсуждались предметы, касавшиеся всех жителей государства, за пределами официальных и элитарных дискурсов», признавалось первостепенное значение [Geyer 1977: 17; Ширле 2018: 30]⁵. В настоящей статье я по необходимости кратко обозначаю возможности такого анализа — через отношение подданных Российской империи к войне в XVIII веке.

XVIII век — эпоха становления военной империи в России. В структуре империи раннего Нового времени армия играет центральную роль, но для России определение «сухопутная военная империя» относят и к XIX веку, в отличие от «морских» торговых империй. «Гордость великороссов» синонимична «гордости за державу», имперское сознание — великодержавности [Клейн 2018: 187–189], «державу» же в универсальном политическом языке Европы

1 Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: В 12 т. / Пер. с фр. под ред. В.Н. Михайлова. Т. 6. Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902. С. 90–91.

2 См.: [Green 1998: 210].

3 Ср.: «Раньше, чем русские осознали себя как нацию, они осознали себя империей» [Анисимов 1997].

4 Здесь и далее, если не указано иное, перевод авторский.

5 Ср.: [Марасинова 2008: 139, 226–253].

XVIII века, французском, совпадает с «империей» (*l'empire*). Важнейшая характеристика империи, господство над пространством, в эту эпоху привязана к военной мощи. Эти соображения определяют в России характер власти («пространное государство предполагает власть самодержавную»⁶) и ее подданных: «Российский народ был всегда и есть народ военный»⁷. В критическом ключе здесь начинается разговор о «милитаризме» как главной части русского имперского сознания — тема обсуждавшаяся, но далеко не раскрытая⁸.

Военные победы и поражения — главное средство (де)легитимации империи и вовне относительно других держав, и внутри, в глазах подданных. На этом выстроена имперская семантика [Сдвижков 2010], которая работает как «репрезентативная публичность» [Хабермас 2016]. Само провозглашение империи заявлено как акт «именем всего народа российского» в итоге военной победы⁹, и в дальнейшем военные триумфы с арками, фейерверками, парадами, народными гуляньями требуют внимающей публики.

До сих пор в исследованиях по XVIII веку основной акцент делался на отношениях структур, *military and society*, а не восприятию, *war and society*. Стоящие за этим резоны объективны. Во-первых, проблема критериев: в западной практике отношение к войнам в раннее Новое время считается по взаимоотношениям центральной власти с представительскими учреждениями, от которых зависело финансирование войны [Kiser, Linton 2002]. Парламентских дебатов о военном бюджете в Российской империи же мы не увидим до XX века. Во-вторых, спросить, «хотели ли русские войны», для нашего периода особо не у кого. Если «найти надежные данные по восприятию исторических акторов особенно сложно» [Tilly 1975: 9], то по Российской империи XVIII века в силу особенностей источников это сложно вдвойне — однако не невозможно. Охарактеризовав идеи и средства властного дискурса о войне, я реконструирую основное в их восприятии среди элит и в «массах».

По мере формирования модели государства, построенной на идее «общего блага» (*bonum commune*), войны государства превращаются в «общее дело» (*res publica*). Война помещается в политическое, правовое и публичное пространство, требует просвещения и убеждения. Это касается внешнего окружения: ибо войны — мерило символического престижа государственной власти в ряду европейских «политичных народов» и соответствия внешней политики международному праву; кроме того, «рейтинг» воюющей державы непосредственно сказывается и на рынке внешних кредитов. Но также подразумеваются собст-

6 Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. ИАН, 1907. С. 3.

7 Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российской, какое оных употребление и к чему служат. Ч. I, от А до О. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. С. IV–V.

8 Об армии как одном из ключевых имперских институтов и современного государства см.: [Cracraft 2004: 148; Hartley 2008; Rieber 2015: 593–628; Миллер 2010: 10; Хоскинг 2001: 55–56]. О русском милитаризме см.: [Кеер 1985].

9 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е (ПСЗ). Т. VI. СПб.: Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 3840. См.: [Агеева 1999].

венные подданные: «Недостаточно, чтобы действия монархов всегда отличали справедливость и разумность — в этих последних должен быть убежден и их народ, особенно когда начинаются войны, которые, пусть справедливые и необходимые, почти всегда влекут за собой много тягот»¹⁰ (см. также: [Gestrich 1994: 194; Van Horn Melton 2004: 68—69]). Самый сложный для публичной легитимации — имперский, «далекий» тип войн (*guerres lointaines*), которых, согласно максиме, высказанной Монтескье в одном из самых влиятельных в России политических сочинений, «О духе законов» (1748), необходимо избегать¹¹. Между тем именно этот тип войн определяет военную политику сначала «неонатальной империи» Московского царства [Филлюшкин 2013], а затем Российской империи. Характерно, что войны России XVIII века и в понимании современников, и на бюрократическом языке армейских послужных списков — это *походы* («прусский поход», «турецкий поход» и др.) на или за пределы империи.

Первой «публичной» в России стала Великая Северная война. Началась она привычным указанием «идтить войною» «за многие Великому Государю неправды» и о карах за неявку, с объявлением о том с Постельного крыльца в Кремле лишь ограниченному кругу¹². Но спустя семнадцать лет по инициативе и с участием Петра I в нескольких изданиях на русском и иностранных языках, огромным суммарным тиражом более 20 тысяч экземпляров, который планировалось разослать по провинциям, публикуется обоснование происходящего. Война как таковая безусловно признается злом: «Понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тягости негодуют, одни для незнания, другие по прелестным словам ненавистников»¹³. Впервые в российской практике власть объясняет, почему военное зло необходимо для общего блага, или иначе говоря, «за что мы воюем».

Публичные объяснения даны в логике «государственных резонов» (*raisons d'état*), которая если не отменяет, то затеняет главное до сих пор нравственное оправдание войны, представлявшее ее метафизическим сражением добра и зла, стоянием за веру [Каменский 2007: 18; Хархордин 2011: 54]. Но сам нравственно-эмоциональный посыл не исчезает, а переходит с небесного отечества на земное. Это общеевропейская модель *патриотизма*, вначале государственно-династического во главе с королем/императором-патриотом [Польской 2018; Dziembowski 2019]. «Государственный патриотизм» в России формируется уже к началу XVII в. [Кром 2018: 219—232], а к концу XVII века особое значение приобретает риторика «отечества». Отечество/*patria* — общая ценность, активное отношение к которой (*любовь*) объединяет причастных на всех уровнях и делает их *гражданами*.

Средством обеспечения публичности служит распространение информации по «государственным генеральным делам» «во всенародное известие» че-

10 Публицист Ж. Леран — министру иностранных дел Ж.Б. Кольберу де Торси, 1711 год. Цит. по: [Solange 2014: 331].

11 «La regle générale <...> veut qu'on n'entreprenne point de guerres lointaines» («всеобщее правило <...> запрещающее войны в отдаленных странах») (О разуме законов. Т. 1. Соч. г. Монтескья / Пер. с фр. В. Крамаренкова. СПб.: При Имп. акад. наук, 1775. С. 272).

12 ПСЗ. Т. IV. № 1811.

13 [Шафиров П.П.] Рассуждение, какие законные причины <...> Петр I <...> к начатию войны <...> имел. СПб., 1717. С. 72—73.

рез печать — начиная с «Юрнала осады Нотебурха» и «Ведомостей о военных и иных делах...» — а также оглашение с амвонов («публикация в церквах»)¹⁴. С Прутского похода (1711) манифесты о «начатии войн» — пространные многостраничные с обстоятельнейшим изъяснением резонов России «во всенародное известие». В конце нашего периода очередной манифест о начатии войны уже констатировал: «Россиянам, обыкшим любить славу Отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять, сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимой» (1806)¹⁵.

В послепетровское время тиражи газет и печатных реляций и их раскупаемость заметно упали. При следующей большой войне, Семилетней, уже на этапе подготовки к ней осенью 1756 года Конференция при Высочайшем Дворе, сетуя, что «здешние газеты» «не весьма любопытствуются», предписала печатать в первую очередь не заграничные, а «здешние к славе Е.И.В. служащие» «новизны», и назначила ответственным за освещение будущей войны, включая предварительную цензуру и отбор информации, секретаря Конференции Д.В. Волкова¹⁶. Регулярный тираж «Санкт-Петербургских ведомостей» вырос почти в три раза с 450 в 1756 году до 1200 в 1760 году, немецкой версии газеты — в два раза с 200 до 400 экземпляров, в сумме тираж «Ведомостей» в обеих столицах на трех языках¹⁷ составлял на пике войны более 2000 экземпляров, плюс выпущенные большими тиражами реляции о сражениях, списки потерь и карты. Схожая динамика наблюдается и во второй половине столетия: так, начало Русско-турецкой войны (1768—1774) отмечено ростом тиражей «Ведомостей» в два раза и принятием мер о печатании и рассылке по губерниям реляций о военных действиях¹⁸.

После неоднозначных для России итогов Семилетней войны с началом екатерининской эпохи во второй половине XVIII столетия лейтмотивом государственной политики становится внутреннее устройство империи. К нему направлены устремления просвещенного патриотизма, риторика которого набирает обороты, усложняется и становится главной для возникающей российской общественности. Созыв Уложенной комиссии и знаменитый Наказ ей императрицы (1767) «создают новое пространство политической коммуникации» [Ширле 2018: 21—22]. Но с началом новой русско-турецкой войны, успешным расширением на юге (Причерноморье) и западе (Польша) актуализируется имперская идея в духе универсализма и экспансии. Эта идея не исчезала полностью и в первой половине XVIII века, несмотря на логику рациональности и утилитаризма государственной политики [Лотман, Успенский 1982], но теперь «собрание русских земель» и «защита единоверцев» перерастают в масштабный «греческий проект». Третий Рим не удовлетворяется преемственностью, но претендует на владение Вторым Римом. К концу века неофициальный гимн империи на мотив написанного поляком из вновь присоединенных земель по-

14 ПСЗ. Т. IV. № 1921; Т. V. № 2785. См. также: [Абрамзон 2010: 256—258].

15 ПСЗ. Т. IV. № 2322; Т. XXVIII. № 21318. Т. XXIX. № 22356.

16 Архив князя Воронцова (АКВ): В 40 кн. Кн. 3. М.: Тип. Грачева, 1871, С. 507—508; *Eichhorn C. Die Geschichte der „St. Petersburger Zeitung“, 1727—1902. St. Petersburg, Buchdruckerei der St. Petersburger Zeitung (A. Laschinsky), 1902. S. 82—89.*

17 Включая франкоязычную «Gazette de Saint-Petersbourg», которую выпускали специально для союзников в 1756—1759 гг.

18 Данные по: Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725—1800 (СККГП): В 6 т. Т. 4. М.: Книга, 1966. С. 67—74, 81—82.

лонеза про «гром победы» подтверждал, «что свои готовы руки в край вселенной мы простреть»¹⁹.

Что с «принимающей» стороны, из перспективы восприятия этих идей? В качестве основного материала я возьму Семилетнюю войну (1756—1763) — яркий пример далекой имперской войны на переходном этапе середины века, в начале становления российского общества, на фоне длительного и затяжного конфликта с переменным военным счастьем.

Интерес к войне очевиден, он привязан к ее кульминационным моментам — битвам и осадам. «Здесь (в Санкт-Петербурге. — Д.С.) теперь ни о чем столько не думают, как о нашей армии», «здесь теперь больше ни о чем не говорят, как о Берлине», — так описывается осень 1760 года с известием о занятии российской армией прусской столицы²⁰. Кто и как читает прессу? В целом военная литература по популярности далеко уступает бестселлерам (календарям). Упомянутое «Рассуждение» о причинах Северной войны раскупалось небыстро, хотя устойчивый интерес вовсе не свидетельствует о том, что «заботы государя и народа расходятся» [Гринфельд 2012: 191]²¹. Реляции о баталиях по российским меркам распространялись неплохо, хотя тут очевидно сказывалась и потребность информации о судьбе родных на войне в прилагавшихся печатных списках потерь²². Взяв данные по второй столице, включая недавно основанные «Московские ведомости», мы получим примерное соотношение одной купленной реляции на 1000 грамотных [Тюличев 1986]. В реальности это соотношение увеличивалось на порядок за счет слушателей и переписчиков печатных изданий, хотя, не будем обольщаться, даже в самом оптимистическом случае вряд ли превышало 1:100 (для сравнения в Великобритании в среднем по стране на этот период то же соотношение для всего взрослого мужского населения на порядок больше, от 1:9 до 1:6) [Rogers 2014: 27].

Про социальное происхождение подписчиков газет в России на середину XVIII века известно, что они делились примерно поровну между дворянами и недворянами, причем среди последних преобладало купечество [Тюличев 1987]. Если в личных свидетельствах помещичьего дворянства война ощущается прежде всего в упоминании рекрутской и прочих повинностей, то у купцов интерес к войне отражает возможности, связанные с армейскими подрядами [Сдвижков 2023: 215—216]²³. Свидетельства о том, как читались военные реля-

19 См. Манифест 1768 года о «начатии войны с Оттоманской Портою» (ПСЗ. Т. XVIII. № 13198) — соединение семантики «сынов отечества» с религиозными обоснованиями войны (защита православия в Польше и оборона от «врага имени христианского»). Ср. девиз «Отторженная возвратих» для коммеморации разделов Польши.

20 Р.Л. Воронцов — А.Р. Воронцову, СПб., 16 и 21.10.1760 // АКВ. Кн. 31. М.: Университетская тип., 1885. С. 52.

21 К началу Семилетней войны (1756) из 20 тысяч экземпляров с 1722 года разошлось 4 тысячи (*Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб.: Изд. тов-ва «Обществ. польза», 1862. С. 585).

22 Реляция о сражении при Гросс-Егерсдорфе — раскуплено 275 из 400 экземпляров, при Цорндорфе — раскуплены все 200 экземпляров. Отдельный полностью раскупленный отгиск списка погибших и раненых при Цорндорфе — почти 2000 экземпляров. Данные по: СККГП. Т. 4. М., 1966. С. 67—74; [Тюличев 1986: 186].

23 Об интересе купечества к военной теме свидетельствуют и владельческие записи. «Рассуждение» Шафирова в первом издании 1717 года из Славянской библиотеки в Праге (Rc 013172), к примеру, купил в 1720 году купец из Енисейска (!) («Енисейской

ции, отражают эмоциональную вовлеченность в события: при известии о победе при Пальциге 12 (23) июля 1759 года В.А. Нащокин в своем дневнике подписывает на полях вклеенной реляции: «Дай всемогущий боже впредь победное над неприятелем счастье, и сия реляция безпристрастно и воинским порядком достойная похвалы графу Салтыкову»²⁴. Чрезвычайный посланник князь Г.И. Шаховской пересказывает реляцию о победе при Кунерсдорфе, полученную на пути в Константинополь, с тем же эмоциональным подъемом, заимствуя классическую героическую формулу *vincere aut mori*²⁵.

Коммуникативное сообщество потребителей военных новостей приобретает критический потенциал прежде всего при неудачах: «худые успехи нашей армии <...> столь много меня изнуряют, что я сего прискорбия едва сносить могу»; «что <...> безумная и скоропастижная ретирада последовала <...> хуже сделать нельзя»²⁶. Но и в целом требуемая от «прямых сынов отечества» активная гражданская позиция подразумевает рефлексию о том, что является общим благом для страны и как это применимо в конкретной политике.

Критическая составляющая касается уже производителей имперского патристического дискурса. Образованное духовенство первым призывалось «беседами, разговорами, проповедьми, пении и всяким сказания образом толковать и изъяснять в слух народа» политику властей²⁷. Но даже в придворных проповедях прошедшие войны могли критиковать («нарочно людей наших на явную смерть посылали»²⁸), а войны текущие (как Гедеон (Криновский) в Семилетнюю войну) [Иванов, Киценко 2023: 392–394] если не критиковали прямо, то соизмеряли с нормативными представлениями о справедливых войнах.

Набирающая вес «придворная словесность», ее «имперская идеология» и воображаемое ей «имперское монархическое сообщество» по отношению

житель Сергей Дмитриев сын Тушон» (Тушин)). Сборник третьей четверти XVIII века. (Научно-исследовательский отдел рукописей библиотеки Академии наук (НИОР БАН). Колоб. 436) с переписанной из «Ведомостей» реляцией о Цорндорфской битве (1758) принадлежал кущу из Бежецка.

- 24 Записки Василия Александровича Нащокина (НИОР БАН. 1.5.45. Л. 12), в издание 1842 года эта реплика не вошла.
- 25 «Король прусской уведомясь об оном нещастии армии ево (взятии Франкфурта-на-Одере русскими. — Д. С.)... пошел для отмщения, НО (заглавными в оригинале. — Д. С.) наш генерал (П.С. Салтыков. — Д. С.) заблаговременно избрав пристойную сетуацию и распределяя, принял со всею армиею мужественную резолюцию или победить или умереть...» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), F.IV.4, без паг. (запись от 10.09.1759, Бендеры). Здесь и далее орфография авторская.
- 26 М.Л. Воронцов — К.Г. Разумовскому, СПб 17.10.1757 // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Исторический очерк. М.: Тип. Грачева, 1869. С. 162; М.М. Голицын — А.М. Голицыну, СПб 04(15).11.1757 // Писаренко К.А. Письма Андрея Михайловича Голицына вице-канцлеру М. Л. Воронцову // Российский архив. М., Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. Т. XIX. С. 93.
- 27 *Феофан (Прокопович)*. Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире 1721 года, августа в 30 день, и должном нашем за толикую милость Божию благодарении, проповеданное преосвященным Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским, в царствующем граде Москве, в церкви соборной Успения Пресвятыя Богородицы, 1722 года, генваря 28 // Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 113.
- 28 *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. 1859. Т. II. С. 6.

к войне также выходят за рамки механизмов аккламации и модели «аффективной публичной сферы» [Осват 2020: 425—426]. Наряду с панегириками и трескучими одами на взятие того или иного города русской «военной лирики» [Клейн 2018] в литературной среде очевидно присутствует «конфликт батализма и пацифизма». У М.В. Ломоносова после «империалистической фантастики» его первой «Оды на взятие Хотина» 1739 года («обстают русским флотом Крит») «слагается основная тема тишины» [Пумпянский 1935: 127—128], которую Семилетняя война не прерывает, а наоборот, способствует перерастанию панегирика в «гражданственное выступление» [Алексеева 2005: 181—183]. Письмо Ломоносова фавориту императрицы И.И. Шувалову в конце Семилетней войны, в котором критерием мощи государства признается «сохранение и размножение российского народа», а не «обширность, тщетная без обитателей», примыкает к основному критическому аргументу против «далеких войн»²⁹. В еще большей мере антивоенный пафос характерен для гражданского патриотизма А.П. Сумарокова. Редакторская программа его «Трудолюбивой пчелы», первого русского частного журнала, вышедшего в свет в апогее Семилетней войны — в 1759 году, включала, хотя и косвенную, через аллегории и переводы, но отчетливую критику военной политики империи³⁰.

В патриотизме XVIII века нет ничего специфически имперского, позволяющего обосновать мессианство и завоевательные войны. В экономической части патриоты разделяли взгляды камералистов о разрушительности войны. Главный теоретик этих идей И.Г.Г. Юсти, перевод основного труда которого был опубликован в России в 1772—1778 годы, писал, как и Монтескье, о далекой (*auswärtige*) войне как «самом авантюрном и безответственном предприятии». Такая война выводит из страны капиталы, влечет собой дороговизну, нарушает торговлю и производство и уменьшает население³¹. Гражданственная риторика патриотизма, его этика, основанная на проповеди добродетелей, ориентируется на античные, прежде всего римские, образцы, и это скорее Рим республики, а не империи. Характерным примером может служить переписка одного из лучших военачальников российской армии, графа З.Г. Чернышева с «фронта» Семилетней войны и фаворита императрицы И.И. Шувалова.

С одной стороны, эту переписку можно читать как непубличную придворную коммуникацию: Чернышев, бывший фаворит великой княгини Екатерины Алексеевны, близкий к «малому двору», не поддерживающему военную авантюру, пишет действительному фавориту императрицы Шувалову, пытаясь повлиять на мнение государыни. Но при этом риторика корреспонденции — письма патриота патриоту, причем с изменением тональности на гражданственную Чернышев переходит с русского на французский: «Вслед за Вами

29 Ломоносов М.В. [О сохранении и размножении российского народа] [01.11.1761] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 384.

30 Не имея возможности остановиться здесь на деталях, отсылаю к: [Осват 2020: 392—403; Сдвижков 2019: 125, 176; Schippan 1989; 2001].

31 В русском переводе «зарубежные брани», см.: Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния / Сочинил И.Г.Г. Юстий; а с немецкаго на российский язык перевел Иван Богаевский: В 4 ч. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1772. С. 385. Переводчик Юсти И.И. Богаевский был сыном главного священника Заграничной армии в Семилетнюю войну. Другие примеры «камералистской» критики см.: [Сдвижков 2023: 228].

(И.И. Шуваловым. — Д.С.), каждый гражданин должен бы быть охвачен тем замечательным жаром, какой влечет за собой любовь к отечеству. Тщусь тем, что я в этом подражаю Вам». Чернышев начинает открыто высказывать свои сомнения в смысле войны после разгрома при Цорндорфе (1758) корпуса, которым он командовал, и возвращения из прусского плена: «Мысли переполняют меня, и все, что они оставляют мне желать — это мир»³². Свою миссию патриота он видит в скорейшем достижении мира и внутреннем обустройстве империи, которая уже достигла «сатурации» (насыщения). Чернышев предостерегает против бездумного продолжения расширения империи — в данном случае аннексии завоеванной Восточной Пруссии:

Что нам с войны, если, опустошив свою империю и растратив ее средства, мы получим взамен желаемое — неухоженный, дурной, бедный кусок земли, с грубым народом и некрасивыми женщинами, который со временем принесет разоренье России? Вот и все, что нам достанется... Не гораздо лучше было бы... приступить к учреждению полезных институтов внутри страны, приобретя этим уважение вовне, а не пускаться в авантюры и постоянно рисковать потерей репутации и столь дорогого времени, не занимая государство ничем иным, кроме как поиском средств для восполнения бесполезных расходов и оставляя все остальное в небрежении³³.

Что более славного можем желать мы нашей Всемиловитвейшей монархине, как не затворить врата храма Янусова? <...> Мы посрамили бы сам Рим, будь он еще в силе. <...> Доведем до совершенства государственное хозяйство, обеспечим цветущую торговлю, будем строго блюсти законы и установления, сохраняя железную военную дисциплину, искореним несправедливость и злоупотребления, возрастим общую веру — и узнаем, что наше любезное отечество ничем не уменьшено... И так-то увидим мы вновь Цинциннатов, Регулов, Фабрициев <...> Остерегая себя на примерах заблуждений римлян, осознаем их достоинства и добродетели, подражая им³⁴.

32 «Un chacun des citoyens seroit engagé à s'intéresser avec vous à cet aimable fanatisme que l'amour de la Patrie entraîne avec soi <...> [Je] me fais gloire de vous y imiter... Les idées m'accablent et tous ce qu'elles me fournissent à désirer, c'est la paix» (Гр. З.Г. Чернышев — И.И. Шувалову, Лауэнбург 20.09.1760 // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 195. Оп. 1. № 6054. Л. 50).

33 «Qu'aurons-nous de la guerre, si tout se remplit à nos désirs en dépensant notre Empire et en épuisant nos fonds, — un lambeau de terre inculte, mauvais, pauvre, qui a un peuple mal-policé et des femmes laides et qui sera avec le tems la ruine de la Russie, voilà la belle chose que nous aurons... Ne seroit-il pas dons beaucoup mieux pour nous, que... nous mettions à faire des établissemens salutaires dans l'intérieur, nous rendre par là respectable en dehors, sans nous aventurer et être sans cesse en danger de perdre la renommée et le tems si chère pour nous n'occuper l'état qu'à chercher les moyens à pourvoir aux dépenses à pure perte et faire languir tout» (Там же. Л. 50 об. — 51).

34 «Que pouvons-nous désirer de plus glorieux pour Notre Clémentine Souveraine que de voir fermer le temple de Jeanus? <...> Nour faisons rougir Rome même s'il fut encore. <...> Rendons l'oeconomie de l'état parfaite, faisons fleurir le commerce, observons les loix et les réglemens avec rigueur, maintenons la discipline militaire avec rigidité, déracinons l'injustice et les abus et augmentons la foi Publique et nous verrons qu'il ne manque rien à Notre chère Patrie <...> et c'est alors qu'on reverra des Cincinnatus, des Régulus, des Fabricius <...> Si nous prendrons les défauts des Romains pour des exemples à nous en précautionner et leur bonnes choses et leurs vertus pour des leurs à les imiter» (Гр. З.Г. Чернышев — И.И. Шувалову, Диршау 12.02.1761 // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 6054. Л. 67 об. — 68 об.).

Имперская элита в своем отношении к «далеким войнам» разделена: люди, мыслящие стратегически, считают их свидетельством могущества и продолжением стратегических выгод, когда «благопоспешеством Божиим Россия тиятра воен в своих границах многие веки прошли как не имела»³⁵. Ибо «не видят оные (подданные Российской империи. — Д.С.) пред стенами своими опасного неприятеля, не слышат грома и молний от огнестрельного оружия происходящих, не укрываются от бомб, ядер и пуль летающих, не видят блистающих мечей»³⁶. Но отвлеченные стратегические резоны работают не всегда — прежде всего в «тылу». В последнем случае особенно различим «женский голос». Так, уже в Северную войну мещанскую вдову из Кадашевской слободы Алену Климову не впечатлил устроенный Петром I после взятия Нарвы («Ругодивского похода») в 1705 году триумф: «Явно, что взято знамен и пушек, а то де неважно, сколько наших голов он Государь перерубил, на него де кутилку переводу нет, толко де переводит добрые головы, за что де за этакова и Бога молю»³⁷. В Семилетнюю войну Прасковья Глебова, супруга генерал-поручика артиллерии И.Ф. Глебова, пишет мужу в Заграничную армию, что «етат *пахот* ни за Бога, ни за себя, а как макавеи за свиные мяса»³⁸. Иначе говоря, «Прусский поход» (Семилетняя война) для России такой же бессмысленный, как война маккавеев в Древнем Израиле против навязывания им свиного мяса.

Дилеммы видны и в индивидуальных поведенческих стратегиях. Традиционный (условно «московский») тип отношения к государевой службе видит в таких «походах» личный «непокой» [Kahn 2002; Sdvizkov 2024], тяжелую обязанность «по грехам нашим»: так, при слухах о выступлении из Петербурга за границу в 1758 году командир Лейб-кирасирского полка пишет жене: «Штож делать Господь милостив грозную тучу он разносит... уже мне немного дослуживать а буду употреблять меры укрыть себя»³⁹. Характерно, что в своей знаменитой речи перед Полтавской битвой сам Петр I в реальности скорее всего лишь обещал, что «За победою, после трудов, воспоследует *покой*». И только впоследствии усилиями Феофана Прокоповича и последующих «идеологов» речь была облечена в чеканные формулы «короля-патриота» («Воины! Се пришел час, который решит судьбу отечества...» и т.п.) [Анисимов 2018]. *Сыны отечества*, которые вдохновлялись речью уже в этом новом виде, являли собой иной тип поведения на войне с сознательным отношением к службе, семантически отраженном в русском аналоге концепта «патриотизма», *любви к отечеству* [Schierle 2006; 2009; Сдвижков 2012]. Но

35 Краткое описание от России генерал шефа и ордина святого Александр Невского кавалера Карнилия Бороздина, принадлежащее до внутреннего расположения Артиллерийского Корпуса вообще. Разделены на 7 глав. Сочиненное им в 1772-м году // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 40. К.Б. Бороздин — главнокомандующий артиллерией Заграничной армии в Семилетней войне.

36 Предложение Р.И. Воронцова в Сенате от 05.10.1761. Цит. по: [Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022: 609].

37 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 250 (1705). Л. 1 — 1 об.

38 П.И. Глебова — И.Ф. Глебову, б.м. 04.04.1760 // ОПИ ГИМ. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 64 об. — 65.

39 Я.И. Толстой — Е.А. Толстой, СПб 25.12.1758 // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1393. Л. 187).

это отношение влекло за собой и неизбежный конфликт между патриотическим идеалом и реалиями военной службы. Он мог находить выражение в гуманистической, просвещенческой критике войны как бессмысленной «бойни», оспаривании ее статуса как «отрады» суверена: «Бог ты мой, сколько убитых с обеих сторон! Это была скорее бойня, нежели битва... Вот, сердце мое, каковы они, *отрады войны*, вот ради чего совершаем мы тяжелые марши, терпим все тяготы и невзгоды: ради того, чтобы сдохнуть как собака или прикончить других»⁴⁰.

«Прямой сын отечества», который принял, как того желала власть, службу на войне как *общее дело*, выводил отсюда общую ответственность и свое право на критику. Действующая армия была пространством, где максимально последовательно применялся меритократический принцип службы — производство в чинах по реальным заслугам, прежде всего за «бытие на действительной баталии» [Сдвижков 2019: 173—176]. И несоответствие этому принципу воспринималось здесь наиболее болезненно. Так, князь П.Н. Щербатов, давний почитатель Вольтера и книголюб, сначала частным образом критикует порядки, когда «честная служба немного помогает»⁴¹. Затем, будучи посланным из Заграничной армии в Петербург курьером, Щербатов использует эту возможность, и перед главным органом империи, координирующем военные усилия, Конференцией при Высочайшем Дворе, он, мелкий майоришка, обвиняет командование в слабой «субординации» армии, а всесильного фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова прямо в лицо критикует за недостатки любимого шуваловского детища, новой артиллерии. Шаг самоубийственной гражданской смелости — если не учитывать, что и Щербатов вместе с патриотическими идеалами учитывает непубличные реалии: он имеет сильного покровителя, графа П.Б. Шереметева, которому, очевидно, и удастся замять начатое было военно-судное дело⁴². Схожего материала хватает и для второй половины века: к примеру, резкая критика генерал-поручиком С.М. Ржевским (1782) военных порядков в России, которые «отняли всю охоту к службе и погашают все патриотство»⁴³.

Екатерина II первыми своими манифестами оправдывала устроенный государственный переворот в том числе тем, что ее свергнутый супруг хотел про-

40 «Dieu, combien des hommes morts de tous les deux côté[s]! C'étoit plutôt une boucherie qu'une bataille <...> Voilà, mon chère cœur, Les Délices de la guerre, voilà pourquoi nous faisons des marches pénible[s], supportons toute[s] les fatigues et toute misère, pourquoi — pour mourir comme un chien ou pour faire mourir les autres» (Аноним («Pakalache») — Наталье [?], Пиритц 12/23.09.1758) // [Сдвижков 2019: 93, 266--273]. «Отрады», или «наслаждения» (*délices*), правителя войной, согласно Монтескье — «цель деспотий» (см.: [Польской 2012: 123]).

41 «Вот какое наше бедное состояние. Работай как лошадь, будь безпакостен как гончая сабака, разаряйся без повароту, жди смерти еже минует, но либо уроду быть потеряннем руки и ноги, а воздаяние будет равное как без чесному, трусу так и чесному человеку. Я <...> во время дела отлично храбро поступал, но знаю, что честная служба немного помогает» (П. Щербатов — А.Н. Щербатову, Торн 23.12.1758 // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2726. Л. 1—2).

42 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 8. Оп. 1/89. Д. 1424 (1759).

43 *Ржевский С.М.* Разные замечания по службе армейской, отчего она в упадок приведена и неместно хорошим офицерам продолжать службу и о полковниках [1782] // О Русской армии во второй половине Екатерининского царствования (Русский архив. 1879. № 3. С. 358, 361).

должать войну⁴⁴, но в итоге империя при ней воевала почти непрерывно. Имперский характер военных кампаний сохранялся, однако проблема с обоснованием «далеких войн» была не столь острой. Центральное значение имели русско-турецкие войны, легитимированные традицией борьбы с «нечестивыми агарянами», к которой подстраивалось светское государство, и притом все без исключения войны триумфальные. В этой связи для екатерининского времени принимается, что войны служили успешным средством легитимации империи и нейтрализации внутренних социальных конфликтов [Омельченко 1993: 12; Gleason 1981: 164]. Знаковой для «военно-патриотической» темы в России стала фигура А.В. Суворова — архетипического полководца империи и «усмирителя» ее окраин, который пишет из очередного похода в Польшу: «Je m'oubliait, s'il y allait du patriotisme»⁴⁵.

Однако в то же время линии разделений внутри элиты, возникшие уже во время Семилетней войны, углубляются. Критическое отношение к войне в эту эпоху неформальных придворных «социететов» [Марасинова 2017: 469—470] приобрело менее ситуативный и более системный характер. «Оппозиция войне» так называемой Панинской партии в екатерининское царствование опиралась не только на внешне- и внутривосточную стратегию (система так называемого Северного аккорда, ориентация на наследника Павла Петровича) и торгово-экономические интересы ее участников [Бугров 2015; Мальгин 2013; Jones 1984; Ransel 1975]. Идеи, характеризующие этот круг, развивали выработанный в ходе Семилетней войны критический консенсус о противоречии «далеких» имперских войн камералистским принципам «сбережения» материальных и людских ресурсов. «Всякая война, — утверждал анонимный мемуар, — кроме законной обороны, которая яко меньшее зло не терпит никакого изъятия, предосудительна, ибо при народном уменьшении ослабевают еще торговля, источник всех богатств»⁴⁶. А.И. Бибиков, под начальством которого служил А.В. Суворов и которому последний писал о своем патриотизме, с той же самой войны против Барской конфедерации в Польше сообщал Д.И. Фонвизину, члену Панинского кружка: «Пока руки есть, драться станем. Хотя, впрочем, и то истина, что православной Руси не худо бы и отдохнуть: черпаем ею во многие поливники. Надолго ли станет?»⁴⁷ Постоянные войны стали фоном как для перевода

44 «Из войны кровопролитной [Петр III] начинал другую безвременную и Государству Российскому крайне бесполезную» («Обстоятельный манифест» от 06.07.1762 // Указы Всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучного вступления Ее Императорского Величества на всероссийский императорский престол, с 28 июня 1762 по 1763 год. Напечатаны по Высочайшему Ее Императорского Величества повелению. М.: При Сенате, 1763. С. 18).

45 В традиционном переводе: «Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей» (Суворов А.В. — Бибикову А.И., Крейцбург, 25.11.1771 // Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. С. 25). Сам Суворов употреблял на русском вместо «патриотизма» «отечественность» («Был бы я безмрачен при соблюдении моей отечественности в общем благе» (Там же. С. 258)).

46 Записка о политических отношениях России, аноним, [1763?] // АКВ. Кн. XXV. М., Университетская тип., 1882. С. 314). Ср. также придворный анонимный мемуар с резкой критикой уже итогов екатерининской внешней политики 1794 года: [Марасинова 2017: 447—476].

47 А.И. Бибиков — Д.И. Фонвизину, Варшава 23.02.1773 (*Вяземский П.А. Фон-Визин // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. 5 (1848 г.). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. С. 47).*

антивоенных трудов, так и впервые для самостоятельных работ С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского, В.Ф. Малиновского [Пушкарев 1997; Schirpan 1989; 2001].

Ключевым акцентом второй половины века стало увязывание законности войны не только с ее соответствием международному праву, но и — во внутривнутриполитическом контексте — с идеей законной монархии, развивавшейся уже с елизаветинской эпохи и центральной для государственного дискурса в эпоху екатерининскую [Киселев 2022; Омельченко 1993]. «Антимилитаризм» законной монархии, отличающий ее от деспотии, был обоснован в западноевропейских источниках, прежде всего у популярных в России Монтескье, Фенелона и Юсти. Если не учитывать еще неустойчивую на русском языке политическую терминологию, цитаты из последнего в русском переводе звучали бы как «возмутительные»:

Важный порок, который в самодержавиях (в оригинале — монархии (Monarchie). — Д.С.) ведется больше, нежели в других каких правлениях, и при том наивысше противен благосостоянию народного пропитания, есть склонность правительства к войнам... Самовластное [despotische], своевольное и неправосудное правительство препятствует совершенной устройке земныя поверхности и цветущему состоянию народного пропитания⁴⁸.

Эти идеи развиты на отечественном опыте прошедшей Семилетней войны как фатального следствия порядков, «по которым, — пишет Н.И. Панин, — внутреннее государства состояние насильствовано и жертвовано для внешних политических дел»⁴⁹. Насколько такая критическая линия была распространена, может свидетельствовать пример, выходящий за пределы круга элит. Памфлет 1790-х годов повторяет аргументацию Панина и Монтескье, очевидно апеллируя к событиям Семилетней войны, по итогам которой Россия уступила все свои завоевания:

И дабы когда-нибудь народ не пришел в чувство, [господа] сами затевают нарочно войны недельные (бессмысленные. — Д.С.); и хотя помощью Божеею войны российские побеждают неприятелей, однако всегда завоеванные города и земли возвращают им, потому что их благородия на войне получают в награждение казенное имение и при замирании от неприятеля получают довольные подарки, а отечеству до основания разоряют войнами [Бабкин 1968: 100; Клибанов 1977: 285—321].

В зрелой форме соображения «Панинской партии» вылились в обоснование необходимости новой гражданско-правовой основы для Российской военной империи, представлявшей собой в настоящем виде «государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное и которого положение таково, что потерянением одной баталии может иногда бытие его вовсе истребиться»⁵⁰. Осно-

48 Юстий И.Г.Г. Основание силы и благосостояния царств... Ч. 2 (1775). С. 697—701.

49 Список с доклада гр. Н. Панина, 28.12.1762 (Бумаги, касающиеся до учреждения императорского совета) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7. СПб.: Тип. ИАН, 1871. С. 206). Ср. Монтескье о внешних войнах как средстве преодолеть внутренние конфликты: «...дабы силою воинской строгости и могущества соединить тех, которых политические или гражданские пользы между собой разделили. Государство находится в слабости по причине зла всегда остающегося, и оно еще в большую приводит слабость поправлением» (О разуме законов. С. 272).

50 Фонвизин Д.И. Рассуждение о современных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. С. 265.

ванное на военной силе, но не имеющее «фундаментальных законов», государство не может апеллировать к «общему благу»: «...тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединились бы узлом взаимных прав и должностей»⁵¹.

По отношению к войне *низов* обоснованных исследовательских оценок для нашего периода немного. В XIX веке, уже после Наполеоновских войн, сформировался официальный патриотический нарратив: «Всякий гражданин [в России] при малейших опасностях, угрожающих его отечеству, с радостью готов поднять оружие. Никогда не слышно было ропота против военного времени, как сие весьма приметно в других государствах»⁵². Ему противостоит в основе своей марксистский тезис о стихийном антимилитаризме «ширнармасс» [Голикова 1959: 163] и общегуманистический тезис о «жажде мира народа, который первым страдал от последствий войн» [Schippa 1989: 355]. Наконец, антиимперский/деколониальный дискурс в общем сводится к следующему: русские «могли гордиться тем, что хоть они и рабы, но рабы в необыкновенно мощной империи». Это дало «повод для национальной гордости, [которая] стала почвой для самого фанатичного национализма» [Гринфельд 2012: 190]. Тезис А. Рустемейер о тенденции превращения русских на протяжении XVIII века в «народ завоевателей» (Volk von Eroberern) интересен, но он упомянут вскользь и не подкреплен эмпирикой⁵³.

Никак не преуменьшая тяготы, несомые народом ради строительства, в том числе военного строительства, империи [Миронов 2004]⁵⁴, стоит помнить о том, что войны раннего Нового времени, — даже нашествие Наполеона 1812 года, не говоря уже о «далеких» войнах, — прямо затрагивали только территорию на ограниченную глубину вдоль коммуникационных линий (военных дорог). В остальном война ощущалась опосредованно через государственные повинности, финансово-налоговое напряжение, проблемы внутренней безопасности [Сдвижков 2023: 227—228]. Армия требовала жертв рекрутчины, в самые острые периоды ежегодно. Но известно, что для общины, помимо возможностей откупиться, это был и инструмент отсеивания маргиналов, в результате чего в рекруты попадал преимущественно «бобыль, негодяй и такой мужик, о коем никто не сожалел»⁵⁵. «Завоенные» и рекрутские плачи отражали столько же реальную драму, сколько подчинялись законам жанра ритуальных причитаний наравне с похоронными и свадебными [Иванов 2004: 9]. Ни налоговая дисциплина, ни статистика коллективных протестных движений для XVIII века не обнаруживают явной корреляции с имперскими войнами⁵⁶.

51 Там же. С. 255.

52 Тучков С.А. Военный словарь... С. 5.

53 Приводимые два дела Тайной канцелярии, на которые здесь опирается это в остальном замечательное исследование, такой обобщенный вывод не могут подтвердить, см. главу «Русские и война»: [Rustemeyer 2006: 333—336].

54 Наиболее тяжелыми с точки зрения биологического статуса населения оказываются, по Б.Н. Миронову, именно екатерининские войны второй половины столетия.

55 Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего: В 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. С. 151.

56 Связь разве что опосредованная: так, первый толчок для волнений на периферии империи, среди казачества и «иностранцев», как в случае Пугачевского восстания,

Но и говорить о «народном патриотизме» применительно к войне XVIII века вряд ли уместно. Материалы исторического фольклора — для этого времени преимущественно не «народные» песни, а солдатские и казацкие, ушедшие в народ — свидетельствуют об общей исторической памяти о враждебном окружении в условиях постоянной угрозы извне. Но отвлеченные представления о *государстве, отечестве, общем благе* этим источникам чужды [Хархордин 2011: 43–44]. Отношение к военной службе остается персонализированным — *государю*, а не *государству* — и в основе своей религиозным. Религиозная низовая культура определяет и критерии отношения к войне в целом, включая неортодоксальные варианты старообрядцев и различных сект.

В то же время если воображаемое патриотическое сообщество в XVIII веке не охватывало низы в целом, то включало нижних чинов в армии. «Воинские люди» на «службе Государя и отечества», в отличие от податных сословий, принимали присягу, подлежали особой юрисдикции и включались в семантику чести (солдатские шпаги, воинские ритуалы, наградные медали). Наряду с обязанностями, служба давала привилегии; в нижних чинах видели отнюдь не только «автоматы», помимо «палочной дисциплины» для них существовали инструменты мотивации — материальной (жалование, «святая добыч» законных трофеев, государственное обеспечение отставных), но и «идеальной» [Berkovich 2017]. К последним относилась практика зачитывания по ротам уставных требований, приказов, манифестов для «лутчаго салдатам вперения» — коллективная форма ходовой в XVIII веке практики «увещевания». Власть созначала «полезности государственные от общества свободное познавать мнение»⁵⁷ и влияния на него, включая армию. В Семилетнюю войну «штаб-, обер- и ундер-офицерам» вменялось в обязанность «толковать подчиненным», что «во всех с разными войсками баталиях чрез пятьдесят лет (то есть после Полтавы. — Д.С.) деды и отцы их никогда и нигде от неприятеля не бежали», ибо, в отличие от прусских наемников, «за своего природного государя, православную веру и отечество в сражения вступают, а хотя в сражениях и убиты, то таковые несумненно в вечное блаженство и в царство небесное переселяются»⁵⁸.

С «принимающей» стороны нижних чинов основной горизонт социального ориентирования определен копирующей крестьянские общинные практики солдатской артели⁵⁹, но можно видеть и идентификацию более высокого порядка. Отношение к традиционной триаде «государь — вера — отечество», к которой предлагается апеллировать в приведенной выше «политбеседе», проверяется, например, в экстремальных условиях плена, когда нижние чины

давали попытки государства добиться большей эффективности и «регулярства» их службы во внешних войнах. Об украинских казаках см.: [Лазарев 2023]. По сбору подушной подати см.: [Корчмина, Федюкин 2014]; см. также: [Hartley 2009; Дмитриева, Козлов 2020]. Бегство и дезертирство как формы пассивного протеста я оставляю за скобками из-за фрагментарности данных.

57 Проект П.И. Шувалова «О разных государственной пользы способах» (1754) // Конституционные проекты в России XVIII–XIX вв. / Сост. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 100.

58 Ордер П.И. Шувалова К.Б. Бороздину, 17.02.1758 // Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. ДКМ. Д. 530. Л. 1–5.

59 Ср.: «Дал Бог с ортеглю своей жив» («Окопные» письма русских солдат 1700 г. // Козлов С.А. История России до XX века. Новые подходы к изучению. Курс лекций. СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. С. 205).

отказываются, несмотря на принуждение, не только переменить веру, но и перейти на службу чужому государю⁶⁰.

В солдатской традиции еще с XVII века, в думях о взятии Смоленска и Азова, присутствует мотив заботы о *чести державы*, минуя командиров, подозреваемых в измене: в песне о взятии Шлиссельбурга, например, на вопрос Петра I, брат ли крепость, «братцы генералы» советуют ему отступить, тогда как «детушки солдаты» говорят: «Мы не будем ли от города отступати, / А будем мы его белою грудью брати»⁶¹. Хотя по мере мобилизации империей элит понимание *чести* смещается с коллективного на индивидуальное, *честь* остается в XVIII веке объединяющим понятием «и для элиты, и для народа в целом» [Коллманн 2001: 365—367; Каменский 2007: 20—21]. Война во имя славы, или «фамы», правителя, основной составляющей его чести — один из главных объектов антимилицитаристской критики Просвещения [Польской 2012: 122]. Однако с солдатской перспективы армия одновременно отстаивает честь монарха и державы. Армия — и особенно армия в далеких *походах* — представляет империю в целом через объединяющее «наши», донациональное чувство общности (*Wir-Gefühl*) [Сдвижков 2023: 218—220], общее для верхов и низов.

В качестве иллюстрации положения «в тылу» приведу дело Тайной канцелярии июня 1760 года: в слободе Успенского Колоцкого монастыря в компании монахов и служителей разговаривали «о российской и прусской баталиях» (то есть Семилетней войне), на что местный конюший «объявил что де прусской король русских салдат давит как зайцов», в чем «помоги-де ему Бог». «Заспоря с ним, оные келейники» первым делом засомневались, крещен ли непатриотичный конюший. При разбирательстве выяснилось, что крещен, однако «природою прусак» от смешанного брака, на основании чего вина была сочтена доказанной и виновный бит плетьюми. Здесь можно видеть, как внимательно следят за войной даже в столь неочевидных местах: монахи и монастырские служки в курсе военных событий, объявляемых с церковного амвона, плюс устная информация от проезжающих по Смоленской дороге, где расположена обитель, и отставных, направляемых в монастыри. Среди критериев принадлежности к донациональной общности наряду с крещением и природной «русскостью» фигурирует также радение о престиже «своей» армии⁶².

Отзвуки властного нарратива можно проиллюстрировать и на примере восприятия высшей из возможных патриотических добродетелей, военного героизма и смерти за отечество. Утверждение о том, что на протяжении XVIII века «мрачный западный идеал славной “смерти за отечество” оставался практически чужд российскому менталитету», и следовательно, сознательного патриотизма в тогдашней Российской императорской армии не было [Duffy 1981: 155], требует уточнения. Так, после гибели генерала Василия Лопухина в битве при Гросс-Егерсдорфе (1757) вместо краткого упоминания о нем в реляции главнокомандующего Апраксина в публичной версии реляции, разосланной для обнародования, пассаж о смерти Лопухина был расширен (скорее всего, упомянутым «секретарем по идеологии» Д.В. Волковым) и выстроен по классическим

60 Как характерное личное свидетельство: Похождение прапорщика Климова: мемуары XVIII века / Изд. Е.Д. Кукушкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2017.

61 Исторические песни XVIII века / Изд. О.Б. Алексеева, Л.И. Емельянов. Л.: Наука, 1971. С. 65.

62 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1962.

героическим канонам: «...храбрый генерал Василий Абрамович Лопухин убит, но своею неустрашимую храбростью много способствовал одержанию победы... Быв вдруг тремя пулями весьма тяжело ранен, однако же, сохраняя остатки жизни, спрашивал только: гонят ли неприятеля... последние его были слова: теперь умираю спокойно, отдав мой долг всемилостивейшей государыне»⁶³. Эхом этой реляции стал обширный цикл солдатских/народных песен о Лопухине. Из них видно, что героизм в низовом понимании вместо «смерти за отечество» укладывался в сюжет «жизнь за царя» и отражал типологическую житийную роль мученика (Лопухин был сыном казненного по делу царевича Алексея брата царицы Евдокии и песни о нем примыкали к циклу песен о Евдокии Лопухиной как мученице и страдальце)⁶⁴. Контаминация *подвига* в привычном религиозном и новом светском смысле характерна еще и для высокой патриотической литературы:

Какого светлость зрю собора?
 Подвижники меж звезд стоят,
 Петрова наслаждаясь взора,
 Красуйтесь, к сродникам гласят;
 Мы стерли мужеством гордыню,
 Мы смерть прияли за богиню...⁶⁵

Симптоматично для «солдатского патриотизма» отсутствие всякой культуры триумфа, вроде бы приличествующей «народу завоевателей»: песен о главном триумфе Семилетней войны российской армии, победе при Кунерсдорфе (1759), например, нет вообще. Взятие Берлина в 1760 году в солдатском фольклоре отмечено причитаниями «пруцкого короля» Фридриха II о потерянной «укрепушке». Связано это, скорее всего, с теми же законами жанра: как и рекрутские, солдатские песни (аутентичные, а не стилизованные «молодецкие») имели минорную окраску — как писали в тогдашних песенниках, «на голос томной»⁶⁶.

Массовая критическая рефлексия о войне проявляется в России прежде всего в форме слухов. Политика властей по отношению к ним и в целом к «низовой» публичной сфере свидетельствует о универсальной для континентальных европейских держав раннего Нового времени дилемме между стремлением мобилизовать ресурсы и легитимировать свои действия, вовлекая население в войну как патриотов и граждан, и необходимостью контролировать это фактическое вовлечение в политику. Государство одновременно инициирует публичность и ограничивает ее, сохраняя войну в числе прочих политических компетенций власти в сфере тайной, секретной (*arcantum imperii*) [Rustemeyer

63 Юсов Д.А. Реляции главнокомандующих русской армией периода Семилетней войны: Источниковедческое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 157—159.

64 Исторические песни XVIII века. С. 104—105.

65 Ода Ее Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне императрице Елизавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ее Величества сентября 5 дня 1759 года, и на преславные ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 85.

66 Песни, собранные П.В. Киреевским: [Ч. 1—10] / изданы Обществом любителей российской словесности. Вып. 9. М.: Тип. Бахметева, 1872. С. 143.

2006]. Все монархии континента законодательно борются с «пасквилями» в печатной и устной форме, дискредитирующими военную мораль [Van Horn Melton 2004: 70—73]. Во Франции в Семилетнюю войну роль козла отпущения достается мадам Помпадур, короля пока щадят [Dziembowski 2019]. В России народная молва (как генеральша Глебова выше) тоже видит в роли зачинщиков войны клан фаворитов (Шуваловых), но недовольство войной и прямо переходит на персону императрицы, обостряя актуальную для XVIII века проблему «бабьего царства» [Анисимов 1999: 64—68; 2011]⁶⁷. Показательно, однако, что власти не ограничиваются политическими репрессиями и запретами «недозволенных речей» в «публишных соборищах» [Анисимов 1999: 89], но и сами действуют в публичном поле, распространяя печатные дисклеймеры или устраивая в опровержение слухов показательные акции, причем с обязательным привлечением нижних чинов [Сдвижков 2023: 238—239].

Итак: понятно, что начальный вопрос в заголовке риторический. Хотеть войну русские не хотели, но *принимали* по-разному в промежутке между «агрессивным национализмом» и «стихийным антимилитаризмом». Благодаря «особому публичному характеру военных действий» [Füssel 2019: 482] в раннее Новое время война представляла собой не просто «продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»⁶⁸, — войны фактически *создавали* политическое пространство. Приобщение к нему, которое государство не только допускало, но требовало, и в России порождало потенциал, определенно превосходивший «вдалбливание в головы подданных» [Гринфельд 2012: 196]. Если это так, вокруг отношения к войне — не только⁶⁹, но в значительной степени — концентрируется политическое сознание, которое в военной империи пересекается с сознанием имперским. Формирование последнего вышло за пределы детерминированности объективными обстоятельствами и «подчинения внутренних устремлений человека потребностям империи» [Масасинова 2008: 112], представляя собой процессы делиберации/обсуждения.

Аффирмативный характер имела «гордость за державу», за ее мощь, славу, материализованную в военных триумфах и господстве над огромными пространствами. Но «великодержавность» и «милитаризм» не были безусловными. *Критический* потенциал несли переменчивость («контингентность») военного счастья как критерия состоятельности империи и трудности публичной легитимации «далеких» войн с расширением имперских пределов. Параметры этой критики были заложены в России в период Семилетней войны и развивались во второй половине столетия. Среди элит стремление власти добиться мотивации к службе («анкуражировать») [Федюкин 2014: 115] без по-

67 Например, высказывание обывателей завоеванной Восточной Пруссии: «...мир скоро бы воспоследовал, ежели б два государя были, но как между ими глупая баба, то и так трудно» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1993. Л. 9). Ср.: Там же. Д. 1883; и др.

68 *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. С. 15.

69 Схожие механизмы расширения публичности проявляются и в другие кризисные для власти моменты — междуцарствия, внутренние конфликты, придворные «революции» и т.п., порождающие «обстоятельные» манифесты и «рассуждения» с легитимацией действий власти (ср., например, появление «Правды воли монаршей» в русле дела царевича Алексея в том же 1722 году, что и расширенное издание «Рассуждения» Шафирова), а также критическую реакцию снизу (слухи о самозванцах). См. размышления по этому поводу в: [Акельев 2021].

литического участия уравнивалось обсуждением содержания патриотизма (*любви к отечеству*) и модели поведения патриота (*сына отечества*), обращавшего патриотический дискурс в конечном счете во внутривластительский. Среди «низов» отдельно выделяются армейские нижние чины, в понимании эпохи входившие в патриотическое сообщество и вовлеченные в активность, которую можно назвать околовластительской⁷⁰. «Низы» и на «фронте», и в «тылу» разделяют чувство общности, наряду с этноконфессиональными мотивами определяемое соображениями о «чести державы». Свидетельством их критической реакции на публикации властей наряду с «потаенной» литературой могут служить слухи. Такого рода коммуникация выводила домодерную публичную сферу за рамки «плебейской», толпы зевак, млеющей от победных фанфар, жареных быков и винных фонтанов.

«Беллицизм» описанных процессов и размытость критериев, с одной стороны, лишают «публичную сферу» нормативной ориентации на гуманизм, рациональность и демократию. С другой стороны, расширение предметов, обладателей и способов выработки политического сознания — в том числе активное участие в так понятой публичной сфере женщин, от мещанки Алены Климовой до генеральши Прасковьи Глебовой — придают «публичной сфере» новую перспективу⁷¹.

В целом «общим делом» имперские войны в массовом сознании не стали: характерно, что в солдатских песнях Семилетняя война, вопреки реалиям, представлялась как «правильная» — то есть оборонительная⁷². И логично, что делом действительно общим («всем миром навалиться хотят») становится в 1812 году война, в которой предикат «отечественная» изначально противопоставлялся далекому имперскому войнам: «Война в собственных пределах была целый век уже не известна России... войска ее до сего всегда ходили в чужие земли... Но силы неприятеля несметны... при таковой неравной борьбе отечественная война приемлется»⁷³. «Всесловный патриотизм» 1812 года перекидывает мостик к эпохе Смутного времени [Кром 2018: 232], вроде бы минуя предыдущий век имперских триумфов. Но где преемственность очевидна, так это в развитии конкуренции смыслов в патриотизме, использовании подданными империи критического потенциала публичности войны. Что проявляется в углубляющемся разделении между «отечеством» и «государством», противоречиях между имперским и национальным/народным, из которых вырастает декабризм и «расхождение путей» государства и общества.

70 Косвенным подтверждением этому может служить высокий процент политических дел с участием солдат [Анисимов 1999: 685–686].

71 Сам Хабермас в «апдейте» к своей теории критически переоценивает степень инклюзивности «буржуазной» и второстепенность «плебейской» публики и рассматривает вопрос множественности публичных сфер [Habermas 1990: 17–20]. В то же время по-прежнему «Хабермас полностью игнорирует важную роль войн в становлении политической публичной сферы» [Gestrich 2006: 421]. Исследовавший домодерную публичную сферу Андреас Гестрих предлагает интерпретировать ее вне нормативно-ценностных рамок в духе функционализма Никласа Лумана.

72 Исторические песни XVIII века. С. 239–240.

73 Ахшарумов Д.И. Историческое описание войны 1812-го года. СПб.: Имп. тип., 1813. С. 6–7.

Библиография / References

- [Абрамзон 2010] — *Абрамзон Т.Е.* Генезис и эволюция формулы сын(-ы) отечества (К вопросу о диалоге дискурсивных практик в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2. С. 251—264.
- (*Abramzon T.E.* Genesis i evolyutsiya formuly syn(-y) otechestva (K voprosu o dialoge diskursivnykh praktik v Rossii XVIII veka) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2010. No. 2. P. 251—264.)
- [Агеева 1999] — *Агеева О.И.* Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века // Мир истории: Российский электронный журнал. 1999. № 5 (<http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения: 18.04.2024)).
- (*Ageyeva O.I.* Titul “imperator” i ponyatiye “imperiya” v Rossii v pervoy chetverti XVIII veka // Mir istorii: Rossiyskiy elektronnyy zhurnal. 1999. No. 5 (<http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (accessed: 18.04.2024)).)
- [Акельев 2021] — *Акельев Е.* Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // Cahiers du Monde Russe. 2021. Т. 62. № 4. С. 785—814.
- (*Akel'yev Ye.* Rezhimy publichnosti i verkhovnaya vlast' v Moskovskom tsarstve i Rossiyskoy imperii // Cahiers du Monde Russe. 2021. Vol. 62. No. 4. P. 785—814.)
- [Алексеева 2005] — *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб.: Наука, 2005.
- (*Alekseyeva N.Yu.* Russkaya oda: Razvitie odicheskoy formy v XVII—XVIII vekakh. Saint Petersburg, 2005.)
- [Анисимов 1997] — *Анисимов Е.В.* Исторические корни имперского мышления в России // Proceedings of Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World. 1997 (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html> (дата обращения: 17.04.2024)).
- (*Anisimov Ye.V.* Istoricheskie korni imperskogo myshleniya v Rossii // Proceedings of Winter Symposium Socio-Cultural Dimensions of the Changes in the Slavic-Eurasian World. 1997 (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html> (accessed: 17.04.2024)).)
- [Анисимов 1999] — *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- (*Anisimov Ye.V.* Dyba i knut: politicheskiy sysek i russkoe obshchestvo v XVIII veke. Moscow, 1999.)
- [Анисимов 2011] — *Анисимов Е.В.* Женщина у власти в XVIII в. как проблема // https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011441 (дата обращения: 21.04.2024).
- (*Anisimov Ye.V.* Zhenshchina u vlasti v XVIII v. kak problema // https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011441 (accessed: 21.04.2024).)
- [Анисимов 2018] — *Анисимов Е.В.* Речь Петра Великого на Полтавском поле в 1709 году (к анализу источников) // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII—XVIII вв.: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. Ч. 20. Вып. 4. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67—97.
- (*Anisimov Ye.V.* Rech' Petra Velikogo na Poltavskom pole v 1709 godu (k analizu istochnikov) // Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII—XVIII vv.: Sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Pavlovicha Shaskol'skogo. Pt. 20. Vol. 4. Saint Petersburg, 2018. P. 67—97.)
- [Бабкин 1968] — *Бабкин Д.С.* Русская потаенная социальная утопия XVIII века // Русская литература. 1968. № 4. С. 93—106.
- (*Babkin D.S.* Russkaya potayennaya sotsial'naya utopiya XVIII veka // Russkaya literatura. 1968. No. 4. P. 93—106.)
- [Бутров 2015] — *Бугров К.Д.* Территориальная протяженность России как концепт международной политики: северная система Никиты Панина (1760-е — 1770-е годы) // Былые годы. Т. 36. № 2. С. 245—253.
- (*Bugrov K.D.* Territorial'naya protyazhennost' Rossii kak kontsept mezhduнародной politiki: severnaya sistema Nikity Panina (1760-e — 1770-e gody) // Bylye gody. Vol. 36. No. 2. P. 245—253.)
- [Вульпиус 2023] — *Вульпиус Р.* Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке / Пер. с нем. М. Богданович. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- (*Vulpus R.* Die Geburt des Russländischen Imperiums. Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert. Moscow, 2023. — In Russ.)
- [Гайер 2023] — *Гайер Д.* «Общество» как государственное установление. Социально-

- исторические аспекты российской государственной власти в XVIII веке / Пер. с нем. М. Лавринович // Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2023. Vol. 11 (<https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/1429/1198> (дата обращения: 17.04.2024)).
- (Geyer D. „Gesellschaft“ als staatliche Veranstaltung: Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert // Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2023. Vol. 11 (<https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/article/view/1429/1198> (accessed: 17.04.2024)). — In Russ.)
- [Голикова 1959] — Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. М.: МГУ, 1959.
- (Golikova N.B. Politicheskie protsessy pri Petre I. Moscow, 1959.)
- [Гринфельд 2012] — Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Пер. с англ. Т.И. Грингольц, М.Р. Вирозуб. М.: ПЕР СЭ, 2012.
- (Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Moscow, 2012. — In Russ.)
- [Дмитриева, Козлов 2020] — Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVII—XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020.
- (Dmitriyeva Z.V., Kozlov S.A. Nalogi i voyny v Rossii XVII—XVIII vv. Saint Petersburg, 2020.)
- [Иванов 2004] — Иванов Ф.Н. История рекрутской повинности в России (1699—1874 гг.). М.: Перо, 2004.
- (Ivanov F.N. Istoriya rekrutskoy povinnosti v Rossii (1699—1874 gg.). Moscow, 2004.)
- [Иванов, Киценко 2023] — Иванов А., Киценко Н. Семилетняя война в литургической практике и гомилетике православной церкви // Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война и российское общество / Под ред. М.Ю. Анисимова, Д.А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 380—396.
- (Ivanov A., Kizenko N. Semiletnyaya voyna v liturgicheskoy praktike i gomiletike pravoslavnoy tserkvi // Rossiya v global'nom konflikte XVIII veka. Semiletnyaya voyna i rossiyskoe obshchestvo / Ed. by M.Yu. Anisimov, D.A. Sdvizhkov. Moscow, 2023. 380—396.)
- [Каменский 2007] — Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- (Kamenskiy A.B. Poddanstvo, loyal'nost', patriotizm v imperskom diskurse Rossii XVIII v.: issledovatel'skie problemy: Preprint WP6/2007/04. Moscow, 2007.)
- [Киселев 2022] — Киселев М. Адаптация антиабсолютистского монархизма в России в первые две трети XVIII века // Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века / Под ред. С.В. Польского, В.С. Ржеуцкого. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 339—374.
- (Kiselev M. Adaptatsiya antiabsolyutistskogo monarkhizma v Rossii v pervye dve treti XVIII veka // Laboratoriya ponyatiy: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka / Ed. by S.V. Pol'skoy, V.S. Rjeoutski. Moscow, 2022. P. 339—374.)
- [Киселев, Кочегаров, Лазарев 2022] — Киселев М.А., Кочегаров К.А., Лазарев Я.А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700—1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2022.
- (Kiselev M.A., Kochegarov K.A., Lazarev Ya.A. Patrony, slugi i druz'ya. Russko-ukrainskiye neformal'niyye svyazi i upravleniye Getmanshchiny v 1700—1760-kg gg. Issledovaniye i istochniki. Ekaterinburg, 2022.)
- [Клейн 2018] — Клейн Й. Торжествующая Россия. Военная лирика XVIII века // Словене / Slovène. 2018. № 1. С. 174—210.
- (Klein J. Russia Triumphant. War Poetry in the Eighteenth Century // Slovène. 2018. No. 1. P. 174—210. — In Russ.)
- [Клибанов 1977] — Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977.
- (Klibanov A.I. Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii. Period feodalizma. Moscow, 1977.)
- [Коллманн 2001] — Коллманн Н.Ш. Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени / Пер. с англ. А.Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001.
- (Kollmann N.S. By Honour bound: State and Society in Early Modern Russia. — In Russ.)
- [Корчмина, Федюкин 2014] — Корчмина Е., Федюкин И. Собираемость подушной подати в середине XVIII в.: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 89—127.
- (Korchmina Ye., Fedyukin I. Sobiraemost' podushnoy podati v seredine XVIII v.: k voprosu ob effektivnosti gosudarstvennogo apparata v Rossii v istoricheskoy perspektive // Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2013. M.: ROSSPEN, 2014. S. 89—127.)
- [Корчмина Е., Федюкин И. Собираемость подушной подати в середине XVIII в.: к вопросу об эффективности государственного аппарата в России в исторической перспективе // Экономическая история: Ежегодник. 2013. М.: РОССПЭН, 2014. С. 89—127.)
- [Кром 2018] — Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV—XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

- (Krom M.M. *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV—XVI vekov*. Moscow, 2018.)
- [Лазарев 2023] — Лазарев Я.А. «И войска сии были при баталии Эгерсдорфской и на других сражениях...»: малороссийское казачество в контексте военных мобилизаций и планов российского правительства в годы Семилетней войны // Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война и российское общество / Под ред. М.Ю. Анисимова, Д.А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 342—367.
- (Lazarev Ya.A. "I voyska sii byli pri batalii Egersdorfskoy i na drugikh srazheniyakh...": malorossiyskoye kazachestvo v kontekste voyennyykh mobilizatsiy i planov rossiyskogo pravitel'stva v gody Semiletney voyny // Rossiya v global'nom konflikte XVIII veka. Semiletnyaya vojna i rossiyskoye obshchestvo / Ed. by M.Yu. Anisimov, D.A. Sdvizhkov. Moscow, 2023. P. 342—367.)
- [Лотман, Успенский 1982] — Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья / Отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 236—249.
- (Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Otvuki kontseptsii "Moskva — tretiy Rim" v ideologii Petra Pervogo // Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya / Ed. by V.A. Karpushin. Moscow, 1982. P. 236—249.)
- [Мальгин 2013] — Мальгин А.В. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. 2013. № 1. С. 45—68.
- (Mal'gin A.V. Prisoedinenie Kryma k Rossii v kontse XVIII v. v svete motivov imperskoy ekspansii // Istoriya i sovremennost'. 2013. No. 1. P. 45—68.)
- [Марасинова 2008] — Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008.
- (Marasinova Ye.N. Vlast' i lichnost': ocherki rus-skoy istorii XVIII veka. Moscow, 2008.)
- [Марасинова 2017] — Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (Marasinova Ye.N. "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya. Moscow, 2017.)
- [Миллер 2010] — Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (Miller A. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2010.)
- [Мионов 2004] — Мионов Б.Н. Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке // Отечественная история. 2004. № 6. С. 17—30.
- (Mironov B.N. Antropometricheskoy podkhod k izucheniyu blagosostoyaniya naseleniya Rossii v XVIII veke // Otechestvennaya istoriya. 2004. No. 6. P. 17—30.)
- [Омельченко 1993] — Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993.
- (Omel'chenko O.A. "Zakonnaya monarkhiya" Ekateriny II: prosveshchenny absolutizm v Rossii. Moscow, 1993.)
- [Осповат 2020] — Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Ospovat K. Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktitsii absolutizma v Rossii sere-diny XVIII veka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2020.)
- [Осповат 2020] — Осповат К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Ospovat K. Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktitsii absolutizma v Rossii sere-diny XVIII veka. Moscow, 2020.)
- [Польской 2012] — Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода / Под ред. А.И. Миллера, Д.А. Сдвижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 94—150.
- (Pol'skoy S.V. Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka // "Ponyatiya o Rossii". K istoricheskoy semantike imperskogo perioda / Ed. by A.I. Miller, D.A. Sdvizhkov, I. Shirle. Moscow, 2012. P. 94—150.)
- [Польской 2018] — Польской С.В. «Должность государя патриота»: рукописный перевод и монархический дискурс Просвещения в России третьей четверти XVIII века // Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп; сост. Г.А. Космолинская. М.: Наука, 2006. С. 155—175.
- (Pol'skoy S.V. "Dolzhnost' gosudarya patriota": rukopisnyy perevod i monarkhicheskiy diskurs Prosveshcheniya v Rossii tret'ey chetverti XVIII veka // Vek Prosveshcheniya / Ed. by S.Ya. Karp; comp. by G.A. Kosmolinskaya. Moscow, 2006. P. 155—175.)
- [Пумпянский 1935] — Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век: Сборник статей

- и материалов / Под ред. А.С. Орлова. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83—132.
- (*Pumpyanskiy L.V. Ocherki po literature pervoy poloviny XVIII veka // XVIII vek: Sbornik statey i materialov / Ed. by A.S. Orlov. Moscow; Leningrad, 1935. P. 83—132.*)
- [Пушкарев 1997] — *Пушкарев Л.Н.* Думы о мире в русском фольклоре и в общественной мысли XVII—XVIII вв. // Долгий путь российского пацифизма: идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / Отв. ред. Т.А. Павлова. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 57—71.
- (*Pushkarev L.N. Dumy o mire v russkom fol'klore i v obshchestvennoy mysli XVII—XVIII vv. // Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoj mysli Rossii / Ed. by T.A. Pavlova. Moscow, 1997. P. 57—71.*)
- [Сдвижков 2010] — *Сдвижков Д.А.* Империя в наполеоновском наряде. Восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares. Роль трансферов в образе и функционировании Российской империи / Под ред. М. Ауст, А.И. Миллер, Р. Вульпиус. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 67—104.
- (*Sdvizhkov D.A. Imperiya v napoleonovskom naryade. Vospriyatie frantsuzskogo neoklassitsizma v Rossiyskoy imperii // Imperium inter pares. Rol' transferov v obraze i funktsionirovanii Rossiyskoy imperii / Ed. by M. Aust, A.I. Miller, R. Vul'pius. Moscow, 2010. P. 67—104.*)
- [Сдвижков 2012] — *Сдвижков Д.А.* Самодержавие любви: 1812 г. как роман // Отечественные записки. 2014. № 6 (63). (<http://www.stranaoz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman> (дата обращения: 20.04.2024).)
- (*Sdvizhkov D.A. Samoderzhavie lyubvi: 1812 g. kak roman // Otechestvennyye zapiski. 2014. No. 6 (63) (<http://www.stranaoz.ru/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman>) (accessed: 20.04.2024.)*)
- [Сдвижков 2019] — *Сдвижков Д.А.* Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (*Sdvizhkov D.A. Pis'ma s Prusskoy voynu. Lyudi Rossiysko-imperatorskoy armii v 1758 godu. Moscow, 2019.*)
- [Сдвижков 2023] — *Сдвижков Д.А.* Россия в эпоху Семилетней войны по личным свидетельствам: проблемы и возможности // Россия в глобальном конфликте XVIII века. Семилетняя война и российское общество / Под ред. М.Ю. Анисимова, Д.А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 211—249.
- (*Sdvizhkov D.A. Rossiya v epokhu Semiletney voyny po lichnym svidetal'stvam: problemy i vozmozhnosti // Rossiya v global'nom konflikte XVIII veka. Semiletnyaya voyna i rossiyskoe obshchestvo / Ed. by M.Yu. Anisimov, D.A. Sdvizhkov. Moscow, 2023. P. 211—249.*)
- [Тюличев 1986] — *Тюличев Д.В.* Издания Петербургской Академии наук в социально-культурной жизни Москвы 50—60-х годов XVIII в. // Книга и социальный прогресс / Под ред. Н.М. Сикорского. М.: Наука, 1986. С. 179—189.
- (*Tyulichev D.V. Izdaniya Peterburgskoy Akademii nauk v sotsial'no-kul'turnoy zhizni Moskvy 50—60-kh godov XVIII v. // Kniga i sotsial'nyy progress / Ed. by N.M. Sikorskiy. Moscow, 1986. P. 179—189.*)
- [Тюличев 1987] — *Тюличев Д.В.* Социальный состав подписчиков «Санктпетербургских ведомостей» (середина XVIII в.) // Книга в России. XVI — середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Зайцева. Л.: БАН, 1987. С. 61—70.
- (*Tyulichev D.V. Sotsial'nyy sostav podpischikov "Sanktpeterburgskikh vedomostey" (seredina XVIII v.) // Kniga v Rossii. XVI — seredina XIX v. Knigoraspromstraneniye, biblioteki, chitatel': Sb. nauch. trudov / Ed. by A.A. Zaytseva. Leningrad, 1987. P. 61—70.*)
- [Федюкин 2014] — *Федюкин И.И.* «Честь к делу ум и охоту рождает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / Сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83—142.
- (*Fedyukin I.I. "Chest' k delu um i okhotu razhdaet": reforma dvoryanskoj sluzhby i teoreticheskiye osnovy soslovnoy politiki v 1730-e gg. // Gishatorii rossiyskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo / Comp. by Ye.V. Akel'yev, V.E. Borisov; ed. by Ye.V. Smilyanskaya. Moscow, 2014. P. 83—142.*)
- [Филошкин 2013] — *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
- (*Filyushkin A.I. Izobretaya pervuyu voynu Rossii i Evropy: baltiyskie voynu vtoroy poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. Saint Petersburg, 2013.*)

- [Хабермас 2016] — *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир, 2016.
- (*Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Moscow, 2016. — In Russ.)
- [Хархордин 2011] — *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- (*Kharkhordin O.* Osnovnye ponyatiya rossiyskoy politiki. Moscow, 2011.)
- [Хоскинг 2001] — *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552—1917) / Пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001.
- (*Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552—1917. Smolensk, 2001. — In Russ.)
- [Ширле 2018] — *Ширле И.* Понятие политического в России XVIII в. / Пер. с нем. К. Левинсона // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 2. С. 7—33.
- (*Schieler I.* Ponyatie politicheskogo v Rossii XVIII v. // Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science. 2018. No. 2. P. 7—33.)
- [Berger, Miller 2015] — *Nationalizing Empires* / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015.
- [Berkovich 2017] — *Berkovich I.* Motivation in War. The Experience of Common Soldiers in Old-Regime Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- [Cracraft 2004] — *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian culture. Harvard MS — London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004.
- [Duffy 1981] — *Duffy Ch.* Russia's Military Way to the West. Origins and Nature of Russian Military Power 1700—1800. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1981.
- [Dziembowski 2019] — *Dziembowski E.* La guerre de Sept Ans (1756—1763) et l'affirmation du citoyen français // Citoyenneté et éducation par la société / Ed. by G. Labarre. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. P. 55—69.
- [Füssel 2019] — *Füssel M.* Der Preis des Ruhms: Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges 1756—1763. München: C.H. Beck, 2019.
- [Gestrich 1994] — *Gestrich A.* Absolutismus und Öffentlichkeit: politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen: V&R, 1994.
- [Gestrich 2006] — *Gestrich A.* The Public Sphere and the Habermas Debate // German History. 2006. Vol. 24. No. 3. P. 413—430.
- [Geyer 1977] — *Geyer D.* Der russische Imperialismus. Göttingen: V&R, 1977.
- [Gleason 1981] — *Gleason W.* Moral idealists, bureaucracy, and Catherine the Great. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1981.
- [Green 1998] — *Green J.P.* Empire and Identity from the Glorious Revolution to the American Revolution / Ed. by P.J. Marshall. The Oxford History of the British Empire. Vol. II: The Eighteenth Century. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 208—230.
- [Habermas 1990] — *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990.
- [Hartley 2008] — *Hartley J.M.* Russia: 1762—1825: Military, power, the state, and the people. Westport, CT; London: Praeger, 2008.
- [Hartley 2009] — *Hartley J.M.* Russia as a Fiscal-Military State, 1689—1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson / Ed. by Ch. Storrs. Farnham, UK: Ashgate, 2009. P. 125—166.
- [Jones 1984] — *Jones R.E.* Opposition to War and Expansion in Late Eighteenth Century Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. Neue Folge. Bd. 32. H. 1. S. 34—51.
- [Kahn 2002] — *Kahn A.* «Блаженство не в лучах Порфира»: histoire et fonction de la tranquillité (spokojstvie) dans la pensée et la poésie russes du XVIIIe siècle, de Kantemir au sentimentalisme // Revue des études slaves. 2002. T. 74. Fasc. 4. P. 669—688.
- [Keep 1985] — *Keep J.* The origins of Russian militarism // Cahiers du monde russe et soviétique. 1985. T. 26. No. 1. P. 5—19.
- [Kiser, Linton 2002] — *Kiser E., Linton A.* The Hinges of History: State-Making and Revolt in Early Modern France // American Sociological Review. 2002. Vol. 67. No. 6. P. 889—910.
- [Osterhammel 2004] — *Osterhammel J.* Europa-modelle und imperiale Kontexte // Journal of Modern European History. 2004. Vol. 2. No. 2. P. 157—181.
- [Ransel 1975] — *Ransel D.L.* The Politics of Catherine's Russia: The Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975.
- [Rieber 2015] — *Rieber A.J.* Nationalizing Imperial Armies: A Comparative and Transnational Study of Three Empires // Nationalizing Empires / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; New York: CEU Press, 2015. P. 593—628.
- [Rogers 2014] — *Rogers N.* From Vernon to Wolfe: Empire and Identity in the British Atlantic World in the Mid-Eighteenth Century // The Culture of the Seven Years' War: Empire, Identity, and the Arts in the Eighteenth-Century Atlantic World / Ed. by F. de Bruyn, S. Regan. Toronto: University of Toronto Press, 2014. P. 25—52.

- [Rustemeyer 2006] — *Rustemeyer A.* Dissens und Ehre: Majestätsverbrechen in Russland (1600—1800). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006.
- [Schierle 2006] — „Syn otecestva“. „Der wahre Patriot“ // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. von P. Thiergen. Köln: Böhlau, 2006. S. 347—367.
- [Schierle 2009] — *Schierle I.* Patriotism and Emotions: Love of the Fatherland in Catherinian Russia // *Ab Imperio*. 2009. No. 3. P. 65—93.
- [Schippan 1989] — *Schippan M.* Die Französische Revolution von 1789 und Friedensvorstellungen in Rußland bis 1825 // *Zeitschrift für Slavistik*. 1989. Bd. 34. H. 3. S. 352—361.
- [Schippan 2001] — *Schippan M.* Katharina II. und die Rezeption des europäischen Friedensdenkens im Zarenreich // *Katharina II., Russland und Europa* / Hrsg. von C. Scharf. Mainz: Philipp von Zabern, 2001. S. 251—274.
- [Schulze Wessel 2023] — *Schulze Wessel M.* Der Fluch des Imperiums: Die Ukraine, Polen und der Irrweg in der russischen Geschichte. München: C.H. Beck, 2023.
- [Sdvizkov 2024] — *Sdvizkov D.* Semantiken der Sicherheit in Russland um 1800 in der Sphäre des Privatlebens // *Dynamiken der Sicherheit in Russland im Zeitalter von Revolution und Restauration (1790—1840)* / Hrsg. von C. Dietze, I. Iwanow, N. Katzer. Berlin; München: De Gruyter Oldenbourg, 2024.
- [Solange 2014] — *Solange R.* Justifier la guerre. Censure et propagande dans l'Europe du XVIIe siècle (France — Angleterre). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2014.
- [Tilly 1975] — *The Formation of Nation States in Western Europe* / Ed. by Ch. Tilly. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975.
- [Van Horn Melton 2004] — *Van Horn Melton J.* The Rise of the Public in Enlightenment Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.